

АНАТОЛИЙ
ГАЛКИН

СЕЗОН УДАЧИ

Еще не вечер

Анатолий Галкин

Сезон удачи

«Автор»

Галкин А.

Сезон удачи / А. Галкин — «Автор», — (Еще не вечер)

Хотите попасть на вершину власти? Я не хочу! Путь туда весь в ловушках, минах, капканах. Соперники роют тебе ямы, бандиты шантажируют, киллеры прячутся за кустами. Нет, не хочу во власть! Но некоторые хотят... Дорога наверх страшна, опасна, но и увлекательна. Некогда скучать! То тебе в квартиру кейс с фальшивыми баксами или труп на дачу подбросят, то жену твою увезут. Попасть наверх можно наверняка, но только под охраной сыщиков из агентства «Сова». Только они не продаются! Им за Державу обидно.

© Галкин А.

© Автор

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	24
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Анатолий Михайлович Галкин

Сезон удачи

Глава 1

На станции Раздельная поезд Одесса – Москва быстро облепила живописная толпа местных торговков. Они скатывались с соседних платформ и устремлялись к самым богатым вагонам в надежде за несколько минут стоянки сбыть свой нехитрый товар.

За последние годы здесь мало что изменилось. Правда, появились шустрые ребята с пластиковыми бутылками с шипучкой, блоками сигарет и заморскими шоколадками. У местных же бабок, которых здесь было большинство, товар был стандартный: ведерки с яблоками, вязанки лука, соленые огурцы, завернутые в газету жареные куры.

Толпа эта копошилась у дверей вагонов, галдела, перекачивалась вдоль окон, демонстрируя невозмутимым пассажирам свою снесь...

Те, кто садился в этот поезд в Раздельной, уже разместились в крайних плацкартных вагонах. В последний момент к «СВ» подбежал высокий мужчина неопределенного возраста. На нем был легкий светло-бежевый костюм, яркий галстук и рыжие туфли с тиснением под крокодилову кожу. В таком наряде он был бы неотличим от гуляющей публики, где-нибудь на Дерибасовской или рядом с Дюком на Приморском бульваре. Но здесь, в галдящей толпе местных жителей он явно выделялся. Правда, в данный момент у всех были более важные дела, чем обращать внимание на какого-то франта.

Человек в бежевом костюме увидел проводницу. Пробивая к ней путь, он элегантно обнял за талию толстую торговку и передвинул ее на шаг в сторону. При этом баба чуть не выронила обернутую в клочок грязного одеяла кастрюлю, из которой выглядывала не очень аппетитная, синеватая и давно уже холодная картошка. Восприняв эти действия франта, как покушение на свою честь, тетка отвлеклась от рекламы своего товара и в нескольких фразах высказала вполне обоснованный упрек: «Ты шо, сказылся? Куда прешь? Ишь, бисовая дetyна, лапать меня вздумал. Так я зараз лапы твои поганые поотрываю!»

В таком духе торговка могла говорить еще долго. И желание было, но не было времени. Оценив качество своего продукта, она на секунду замерла, затем запустила руку в огромный, пришитый поверх пышной юбки карман, извлекла оттуда горсть рубленого укропа и припорошила им холодную синеву картошки. Теперь, когда содержимое кастрюли приобрело товарный вид, баба бросилась к соседнему вагону надежде в последнюю минуту впарить кому-нибудь то, что она никак не могла продать уже третий день...

Франт протиснулся к проводнице и предъявил ей добродушную улыбку и два билета.

Это действительно был человек неопределенного возраста. Если бы кто посмотрел на него секунд пять назад, когда тот переваривал смачную отповедь картофельной торговки, то, оценив глубокие залысины франта и его усталый, грустный взгляд, про него сказали бы – «мужику под пятьдесят». Перед проводницей же стоял совсем другой человек. Улыбка преобразила его лицо, разглаживала, молодила. Великое дело – искорки в глазах... Одним словом – «парню чуть за тридцать».

Кеша, как он представился проводнице, с интересом наблюдал за ее действиями. Прочитав три раза оба билета, она перевернула их, потрясла и, вскинув руку к небу, стала разглядывать на свет, выискивая несуществующие водяные знаки.

– Вас что-то смущает? Или вы думаете, что я сам их напечатал? Так имейте ввиду – я печатаю только тугрики и гривны.

Проводница смутилась, опустила руку и стала разглядывать Кешу и его окружение.

– Так вы один едете?

– Один.

– А билетов два?

– Два.

– Так они от Одессы?

– От нее.

– Что же вы там не сели?

– Опоздал.

– Вот, сами и виноваты. Но хорошо, что вы один. Вы же не будете сразу на двух местах лежать? И не возражайте. Пока вы тут опаздывали, пришлось в ваше купе старушку посадить... Она только до Киева.

– Нет вопросов, – Кеша не изменился в лице и даже приободрил проводницу, лихо щелкнув пальцами, – Я тебя, красавица, зауважал. Люблю людей, которые умеют быстро делать свой маленький бизнес... Пойдем. Знакомь меня со своей подсадной старушкой. Если она не кусается, потерплю ее до Киева.

Кеша вскочил на подножку, увлекая за собой все еще растерянную проводницу. В этот момент вагон конвульсивно дернулся, колеса взвизгнули и весь поезд начал медленно набирать скорость, оставляя за собой благодатное место – станцию Раздельная...

Старушка оказалась миловидной женщиной раннего пенсионного возраста. Когда проводница, еще немного поизвинявшись и пообещав принести фирменного чая, упорхнула, Кеша чуть склонил голову и представился:

– Иннокентий Теряев. Свободный художник.

– Очень приятно... Спиридонова. Мария Юрьевна.

– Мария Спиридонова? Что-то я о вас слышал. Это не вы в восемнадцатом левыми эсерами руководили? Мятеж в Москве подняли, после Мирбаха замочили?

– Обижаете, молодой человек. Неужели я так старо выгляжу?

Кеша понял, что сплеховал. Он начал быстро и витиевато выдавать комплименты. Их было так много, что они громоздились друг на друга и вся пирамида чуть было не развалилась.

После этого Кеша исполнил серию пристойных анекдотов и пересел на своего любимого конька – он философствовал на тему: Одесса рождает гениев. Он сыпал именами, адресами, случаями из жизни, подробностями любовных похождений. Создавалось впечатление, что он не просто знал всех этих людей, а только и делал, что ходил по пятам за Куприным, Катаевым, Олешей, Бабелем, Багрицким, Утесовым.

Но это было только начало. Потом Кеша стал подводить базу под такое скопление талантов на маленьком клочке черноморского берега.

– Вы мне скажите, Мария Юрьевна, в каком еще солнечном городе рождалось столько звезд первой величины? В Ялте? В Сочи? Или может быть в Херсоне, извините за выражение... Везде один пшик. Пусто! Не та почва. Не тот воздух. Атмосфера не та. Ауры нет... А в Одессе любой биндюжник – артист.

– Но, Иннокентий, в Москве и Питере гораздо больше...

– Больше! Но откуда они все? Среди них нет урожденных столичных жителей. Откуда Гоголь? А Чехов, а Горький, Шалапин, Есенин? Все они пришлые. Они все как пылесосом в столицу собраны. И все – поштучно. Один из Таганрога, один из Рязани, один из Казани. А Одесса – это оазис талантов. Здесь даже бандиты артистичны и симпатичны. Среди них нет живоглотов, тупых мокрушников. Здесь это не уважают. Ты убей, укради, кинь кого-нибудь, но сделай это красиво. Пусть люди порадуются... Миша Япончик или Соня Золотая Ручка – это же народные артисты. Я совершенно не знаю людей, кто бы на них обижался. А уважают – очень многие... Кстати о Соне, о Золотой Ручке...

В этот момент в коридоре послышался характерный звон чайной посуды на подносе, мягко открылась дверь купе и на пороге появилась проводница:

– Специально для вас старалась. Настоящий чай. Сейчас такого уже не подают.

И действительно – из каких запасников она извлекла это чудо? Четыре тяжелых мельхиоровых подстаканника с выдавленными кремлевскими башнями, голубками и надписями «Миру – мир». А чай – горячий и красно-коричневый – не в болтающихся граненных, а в тонких стаканах, плотно сидящих на своих местах.

Мария Юрьевна улыбнулась, вспоминая недавнюю беседу со своим клиентом. Тот пытался описать историю страны за последние тридцать лет на примере вагонного чаепития... Было время, когда вкуснейший чай подавали три раза в день, а деньги брали только в конце пути. Но год за годом все менялось. Чай стали готовить два раза, потом один. Чудесный напиток стал превращаться в желтоватое тепленькое пойло... Начали исчезать ложки. За них стали брать залог... Потом исчезли тонкие стаканы... Потом исчезло все и народ понял, что пора начинать перестройку. Но своего вкусного чая он так и не дождался...

По первому стакану они выпили молча, обмениваясь лишь междометиями. Дальше пошли, прерванные визитом проводницы, рассказы о Соньке Золотой Ручке. Кеша изложил всю ее биографию, состоящую из десятков поэтических новелл. Уже сотню лет легенды пересказывались из уст в уста, дополняясь новыми, самыми достоверными подробностями.

Вот один из таких рассказов...

Москва, Кузнецкий мост, конец августа. На улице самых шикарных магазинов пустынно – почти все потенциальные покупатели завершают дачный сезон. Сейчас они в Кусково, Малаховке, Мытищах собирают свое семейство вокруг пузатых самоваров... К ювелирному магазину, громыхая по булыжнику, подкатывает карета. Останавливается так, что из широкого окна хозяину хорошо виден герб на ее дверце – что-то яркое, с мантией, коронами, мечами.

Кучер в ливрее соскакивает с козел, распахивает дверцу, протягивает руку и склоняет голову. Из кареты выплывает блестящая во всех отношениях дама. Завораживает и колыхание страусовых перьев на ее широкой шляпе, и платье последнего парижского покроя, и скромное мерцание «фамильных» драгоценностей. Но потом взгляд застывает в одной точке, как раз там, где ничего нет – вырез огромного декольте остановился точно на грани тогдашних приличий. Даже чуть-чуть ниже.

Звон колокольчика на двери вся обслуга магазина встречает в полной готовности... Входят двое – та самая дама в декольте и вторая, одетая значительно беднее, но с младенцем в кружевах и лентах.

Дама представляется ювелиру, как графиня Ольденбургская (или Шамаханская – это не столь важно) и заявляет, что ее муж, радуясь рождению наследника, решил подарить ей украшений на... на огромную сумму. Она, мол, приехала их выбрать и сразу же заплатить.

Дальше графиня быстро снимает все свои украшения и кладет их в свою сумочку. Понятно – чтоб не мешали примерять новые.

Когда драгоценности на сумму, выделенную щедрым графом, были подобраны, графиня покрутилась перед зеркалом и полезла в сумочку за деньгами... «Ах! Муж положил их на камин а я забыла взять... Вы, милая моя, подождите с ребенком здесь. И сумочку свою я около вас оставлю... Скоро приеду с деньгами...»

Закрылась дверца с гербом, кучер в ливрее вскочил на козлы, свист кнута, искры из под колес...

В давно уже лысой, мудрой голове ювелира даже сомнения не шевельнулось. Его бриллианты уехали, но в залог осталась няня. Сумочка с фамильными драгоценностями графини осталась. В конце концов – графский наследник, все громче подающий голос из-за мокрых пеленок.

Когда крик наследника превысил допустимую норму, решили его перепеленать. Суетливая жена ювелира притащила чистые простыни, тазик, графин с теплой водой...

Первое сомнение зародилось, когда наследник оказался младенцем женского пола... Няня заверила, что и знать об этом не могла, так как была нанята графиней лишь два часа назад. И в графском доме она еще ни разу не была. Она, мол, дала объявление в газету и карета с графиней и ребенком приехала прямо к ней в Замоскворечье...

Потом узнали, что ребенка Соня нашла на Хитровке, взяла напрокат... От кареты нашли только один герб. Он и был всего один, только с той стороны, которая выходила на окна ювелира... Золото в сумочке графини было, понятное дело, «цыганским» или, как тогда говорили – самоварным...

Кеша рассказывал о Соньке Золотой Ручке самозабвенно. Он часто вскакивал, изображая то уже ограбленного ювелира, то растерянность честной няни, то ехидную ухмылку соседей, радовавшихся, что Соня остановилась у магазина Розенблюма, а не проехала еще двадцать метров и не облапошила их самих...

Начались киевские предместья. Мария Юрьевна стала собираться. Вещей у нее было немного – сумочка и небольшой, но удивительно увесистый чемоданчик. Музейный экспонат – обшарпанная фибра, заклепки и блестящие металлические уголки. На недоуменный взгляд Кеши пришлось пояснить, что это талисман: «Во все командировки – только с ним. И всегда выручал».

Правда, замки у талисмана уже давно отработали свое. Мария Юрьевна долго возилась с ними, поставив чемодан на столик. Они не видели вошедшего в купе человека, но по лицу Кеши она поняла, что он не очень рад этой встрече.

Понимая, что неприлично стоять к гостю спиной, Мария Юрьевна повернулась приветливо кивнув, и присела поближе к окну, так и оставив чемодан на столе.

Незнакомец впился глазами в Кешу, облизываясь, как кот на сметану. Тяжелый подбородок с ямочкой и глубокий шрам на левой щеке придавали его лицу выражение мужественное и туповатое... Лет ему было около тридцати. Из вещей – лишь бежевая куртка, которую он элегантно накинул на правую руку, так, что кисти не было видно. Не было видно и того, что он сжимал в руке... Мария Юрьевна только на секунду заметила под курткой холодный стальной блеск и маленькую черную дырочку. Очень маленькую, с ноготок.

– Достал я тебя, Кеша! Завтра сделаю Графу удовольствие. Доставлю тебя в лучшем виде... Ты, Кеша, от меня хотел убежать? Так и зря. Не строй из себя Куша.

– Не бегал я от тебя, Валет. И от Графа не бегал.

– Не заливай мне баки, Кеша. Граф через тебя очень сильно заболел. Ты больно обидел пожилого мудрого человека... Но о делах потом. Давай проводим твою даму. Вы до Киева, мадам? Так ваш причал на горизонте. Пора к трапу двигать.

– И правда... Пойду я... Всего вам доброго, Кеша... И вам, Валет, всего хорошего.

Мария Юрьевна засуетилась, схватила со стола свой чемоданчик и стала разворачиваться с ним в тесном купе. Она неловко развернулась, подняла свой талисман почти над головой и вдруг стремительно уронила его. И не просто вниз, а по диагонали, так, что металлический его уголок угодил Валету между ног. В то самое место. Одним словом – удар ниже пояса...

Валет замычал, выронил пистолет и, схватившись обеими руками за источник нестерпимой боли, согнулся, ударившись лбом о столик... Мария Юрьевна выдернула из-под него чемоданчик, еще раз подняла его над головой и резко опустила на то место, где толстая шея Валета переходила в бритую голову.

– Иннокентий, не сидите вы как статуя. Поднимите вашего гостя. Ему очень неудобно так лежать... Посадите его. Курточку оденьте. Пистолет в карман... Скорее, нам выходить пора.

– Ловко вы его... Я, Мария Юрьевна, до сих пор дрожу весь. А вы его так спокойно...

– Не спокойно, Кеша, а машинально. Не люблю я, когда оружие на людей направляют. Я, знаете, больше двадцати лет следователем проработала... Да не меняйтесь вы так в лице. Сегодня мне ваши заморочки не интересны. Я уже пять лет адвокатом работаю. В Москве. Вот моя визитка. Очень полезно иметь своего адвоката... Приехали, Иннокентий. Уже Киев. Обнимите своего друга и тащите его за мной. Я буду прикрывать.

Они с трудом спустились на перрон и поплелись к привокзальной площади. Народа было немного, но на всякий случай Мария Юрьевна причитала: «Ой, совсем пить разучились. Всего стакан принял – так развезло. Сейчас, дорогой, отдохнешь, воздухом подышишь и все пройдет...»

Валета разместили на самой дальней лавочке и Мария Юрьевна стала сразу же торопить Кешу:

– Бегите, Иннокентий. Стоянка скоро закончится... Я постараюсь, чтоб ближайшие годы Валет вас не беспокоил.

Когда Кеша убежал, Мария Юрьевна нашла в центре площади скучающего милиционера под фонарем.

– Пан сержант. Вы тут за порядком смотрите?

– Ну?

– А вас награждают, если вы бандита споймаете?

– Ну?

– И орден могут дать?

– Как же...

– Я, пан сержант, знаю одного типа. У него и пистолет есть. Только что в Киев приехал.

– Из России? Москаль!

– Он самый... Я думаю, он президента нашего хотел подстрелить или еще чего хуже...

За такого наградят, пан сержант?

– Где он?!

– Вон на той лавочке... Спит, злодей.

Сержант повернулся спиной к бдительной пассажирке и начал расстегивать кобуру. Но первый порыв быстро прошел... «Тот-то тоже с пистолетом. Нечего поперек батьки в пекло лезть. Надо хлопцев позвать... А кого награждать потом будут? Одну премию на всех. По десять гривен на нос. Нет! Один возьму... Так могут и лейтенанта дать. Или орден... Нет, лучше – квартиру».

Оглянувшись, сержант не увидел рядом заявительницы. Да и шут с ней. Испугалась, бисова старушка... Он двинулся к дальней лавочке, держа перед собой пистолет. При этом он забыл снять его с предохранителя и перевернул затвор...

Валет с трудом открыл тяжелые веки. Кругом качались фонарные столбы, а на него со всех сторон надвигались одинаковые фигуры в фуражках и с дрожащими пистолетами в руках... Он полез в карман куртки. Но с первого раза не получилось. Потом он промахнулся еще три раза... Когда же он ощутил рукоятку своего пистолета – было уже поздно. Кто-то свел его руки вместе и защелкнул на них браслеты.

* * *

Обзор прессы:

Газета «Вечерняя Одесса»:

– Вчера утром наш репортер наблюдал на Греческой площади жутко смешную картину. Десятки солидных граждан нашего города с трагическими лицами толпились около пустого особняка, где еще день назад кипела работа фирмы «Высокий Замок». Но сейчас фирма испарилась, как замок воздушный. Любопытно, что опечаленные «лохи» с Греческой все как один держат фасон: никто не сказал, что его красиво надули. У нас в Одессе нет желающих быть кефалью на крючке, но все хотят быть рыбаками...

Газета «Гуляй Поле»:

– Вы знаете фирму «Высокий Замок»? Так и мы ее знаем! Все лето ее реклама висла у нас на ушах и мозолила глаза. Но дураков было мало, пока по Одессе не пронесся слух, что за фирмой стоит сам Наум Борисович Корсак, больше известный нам под кличкой «Граф». И люди ринулись в этот «Высокий Замок». А кто не хочет иметь свой дом в Австрии или Чехии? Кто не жаждет держать свои кровные в швейцарском банке? Все хотят! Имя Графа гарантировало надежность. Кому теперь верить?

Газета «Приморский бульвар»:

– Известный предприниматель Наум Корсак попал в автомобильную аварию, но отделался лишь ушибами... Утром три черные иномарки неслись по Тираспольскому шоссе, догоняя московский поезд. Одна машина проскочила вперед, а перед двумя другими вдруг появилась телега с соседней бахчи. От арбузов остались только брызги, но Наум Борисович быстро пришел в себя и пояснил нашему репортеру случившееся. Он сказал, что преследовал того, кто обобрал и оскорбил одесситов, кто пытался испачкать его честное имя. Пан Корсак сказал: «Тот, кто называл себя Иннокентием – не наш человек, не одессит. Он действовал не по понятиям. И мы его достанем!» Еще Наум Борисович сообщил, что будет бороться за место городского головы. «Я наведу порядок. Нельзя допустить, чтоб одесситов грабили чужаки, залетные фраеры».

Газета «Киевский вестник»:

– Наша милиция опять села в лужу... Вчера вечером на привокзальной площади сержант Загоруйко избил гостя нашего города Аркадия Вальтовича, который является помощником авторитетного одесского предпринимателя Наума Корсака. Кроме того «страж порядка» подкинул Вальтовичу пистолет. Мотивы действий сержанта просты: задержать «террориста» и обеспечить себе внеочередное получение квартиры.

По просьбе срочно прибывшего из Одессы адвоката Вальтовича, на Загоруйко не будет заведено уголовное дело. Сержант получит очередной выговор и будет снят с очереди на получение квартиры. Теперь его семья еще долго будет ютиться в коммуналке на Подоле. И поделом!

Глава 2

Полковник Горелов закрыл за собой тяжелую дверь, прошел между стеллажами в дальний угол архивного хранилища и разместился в закутке, который он часто использовал, как временный рабочий кабинет. Здесь было очень уютно: тяжелый кожаный диван сталинских времен, кресло той же эпохи и письменный стол. Антикварная штучка. Ее, вероятно, реквизировали и затащили сюда еще при Феликсе.

Работать с документами прямо в хранилище не разрешалось. Надо было подобрать дело по описи, зарегистрировать выдачу и читать в соседнем зале, отмечая каждую страницу, на которую падал твой взгляд. Этого Горелов требовал от всех. Даже от своих заместителей. И только для себя он делал исключение.

Были в хранилище и сотни тысяч дел сверх ограниченного доступа. Попадались и такие, которые могли смотреть всего три человека в стране. Третьим был он – Лев Львович Горелов. Это были агентурные дела. Те, которые формально давно уже уничтожены потому, что их фигуранты слишком высоко взлетели и их фамилии не сходят со страниц газет и телеэкранов...

Горелов откинулся в кресле, вытащил из внутреннего кармана пиджака очередной список, но отложил его в сторону. Он должен настроиться для этой работы. Сейчас он будет нарушать вьевшиеся в кровь за годы службы инструкции, традиции, заветы. А для этого нужна злость. Даже ярость... Эти чувства он получал, вспоминая о бывшей жене...

Она ушла от него три года назад. Не сразу ушла. Сначала были размолвки, потом споры, ссоры, скандалы. При разводе она сообщила, что не сошлись характерами. Глупая формулировка! Двадцать лет сходились, а последние годы – не сошлись... Он только потом понял причину, по которой Ирина начала испытывать ненависть к нему.

В ней всегда дремал бес самоутверждения. Муж полковник КГБ – это нормально, престижно. Определенный уровень достатка. Одним словом – она могла смотреть на своих подруг свысока.

Но в середине девяностых все перевернулось. Теперь уже подруги жалели ее: «Мой видеотехникой торгует. А твой все полковник? Не расстраивайся. Бывает. И так люди живут...»

Потом его сыну пришлось бросить институт, который вдруг стал платным... Дочери не удалось устроить пышную свадьбу – обошлись квартирным вариантом с салатом «Оливье» и селедкой... За гроши пришлось продать старенькую машину. И сразу захирела дача; до которой невозможно было доехать... Не смог купить внуку коляску – одной зарплаты не это не хватило.

Все это так. Но любовь нельзя мерить на деньги. Ее нельзя продавать! А Ирина продала. Она предала его, сломала ему жизнь! Теперь только месть... Скоро он станет самым богатым в этой стране. Обрастет роскошью и будет ждать, когда она прибежит. Нет – приползет на коленях. Вначале он даст ей надежду, а потом прогонит. Спокойно так: «Ты мне не нужна, не интересна. Ты совершенно меня не волнуешь...»

Лев Львович встал, взял список и быстрым шагом двинулся туда, где располагались механизированные картотеки – цепочка огромных металлических шкафов с окошком по центру и клавиатурой на выдвижной полочке. Он подсел к первому из них и набрал код – внутри заскрежетало, начала мелькать карусель полок, подгоняя к окошку нужный ящик.

Горелов расправил список, еще раз внимательно взглянул в него и начал перебирать карточки... Он знал, что будут промахи. Но все же рассчитывал на солидный улов. Почти всегда – не меньше трети списка. А иногда и половина... Вот первая удача. Все совпадает. Попался, голубчик!

Лев Львович выписал номера, впихнул карточку на свое место и набрал новый код. Шкаф опять задрожал, проворачивая внутри себя тяжелые полки. Пока эта карусель вертелась, он потянулся к списку и поставил жирную галочку рядом с первой пойманной персоной – Павленко Сергей Сергеевич.

* * *

У Савенкова на даче начали проводить воду. Известие об этом стало праздником, но когда работы начались, все поняли, что пришло стихийное бедствие... Мужики с маленьким грязным экскаватором быстро разворотили довольно сносную, выровненную и утрамбованную дорогу между участками, потом взялись и за сами участки. Особенно у тех дачников, кто предпочел комфорт, кто пожелал, чтобы труба выходила не на край его владения, а в центре, рядом с домом. Вот тут уж ребята повеселились. Они пробивались сквозь ухоженные заросли смородины и малины. Ковш извлекал с полуметровой глубины комья твердой слежавшейся глины и разбрасывал их по аккуратным грядкам и клумбам... Зрелище не для слабонервных!

Савенков предвидел это и на неделю запретил жене появляться на даче. Он был благороден и решил принять удар на себя. Тем более, что возможность такая у него была – детективное агентство «Сова», которым он руководил, находилось в состоянии застоя. Не было работы. В эти первые дни сентября никто никому не угрожал, не шантажировал, не убивал. Все занимались проводами детей в школу. В крайнем случае – работой на дачах, перетаскиванием глины с места на место и спасением плодородного слоя земли.

«Сова» появилась на свет два года назад. В тот момент преуспевающий предприниматель Сергей Павленко попал под пресс опытных шантажистов и решил создать «собственное» детективное агентство. А доверить свои тайны он не мог первому попавшемуся, вот и привлек к этому делу своего старого школьного друга. Тем более, что Игорь Савенков был специалистом – полковник запаса, двадцать пять лет оттрубил в спецслужбах, познал все тонкости этой хитрой деятельности.

С тех пор «Сова» работала с переменным успехом. То есть, переменным был не успех, а сама работа – маловато клиентов. На рекламу вообще не тратились. Павленко подкармливал своих детективов и берег их для себя и своих связей... Лишь иногда Савенков брался за дела, которые «случайно» оказывались на его пути...

«Спаси огород будет очень трудно. Придется завозить торф, песок. Еще лучше – договориться с соседней фермой... Интересно, работники этого коровника основной доход получают от молока или от этого ароматного удобрения?»

Нагрузив глиной два огромных ведра, Савенков воткнул в землю лопату, сделал несколько поворотов, разминая спину и глубоко вдохнул, готовясь к очередному рейсу. Но его трудовой порыв был остановлен чуть слышным криком какого-то мужчины, который скачками пробирался вдоль канавы по рыжим холмам, выросшим на месте бывшей улицы. Он приближался со стороны заходящего солнца и Савенков узнал его только тогда, когда он, перепрыгнув последнее препятствие, оказался на участке. Сергей Павленко был очень возбужден. Впрочем, это почти обычное его состояние.

Гость сразу потащил Савенкова на веранду, где стоял стол, стулья и, главное, была посуда, та, в которую можно разлить коньяк. Во время своего бега по кочкам Павленко больше всего опасался за фляжку и теперь торжественно выставил настоящую армянскую жидкость на стол. Ничего, нормально. Савенков давно привык, что Павленко никогда не ведет серьезные разговоры всухую. Правда, работа у Сергея Сергеевича была такая, что каждый день случалось минимум две-три важных беседы.

Павленко знал правила приличия. К делу он перешел, когда задал несколько общих вопросов: о семье, о погоде, о видах на урожай.

- Как, Игорь, наша «Сова» поживает?
- В режиме ожидания.
- И ребята все на месте?
- Почти... Олег Крылов, Марфин, Варвара. Все рвутся в бой, товарищ начальник.
- Это хорошо... Будет бой! Я это чувствую. Печенкой чую. Пока только цветочки, но скоро такое начнется...
- Уже интересно... Давай, Павленко, подробности. Про эти самые цветочки.
- Я, Игорь, знаешь... Я того... Я в Думу буду выбираться. По Юго – Западному округу. Я две недели назад в партию вступил, в блок «Обновление»...

Повисла пауза... Павленко ждал бурной реакции на свое сообщение, ждал одобрения, вопросов, заверений в поддержке. Но Савенков молчал. Очень не хотелось огорчать друга. Да и в голову приходили лишь тривиальные затасканные фразы: «Политика – грязное дело. Завтра же тебя начнут дерьмом обливать со всех сторон. Тебе-то зачем это надо?»

Кроме того, Савенков знал, что Павленко уже не отговорить. Он самолюбив и упрям, как любой уроженец Полтавы. И еще – он авантюрист. Ему уже давно надоело просто строить дома и делать на этом большие деньги. И скучно просто так тратить эти деньги на стандартные удовольствия – на машины, поездки, рестораны, украшения для жены. Ему нужны новые и непременно острые ощущения. Он жаждет риска, борьбы и победы... В конце концов, битва за депутатский мандат не самое гнусное занятие. Можно и поддержать. Повеселимся...

– Одобряю, Сергей... И блок выбрал самый подходящий. Центристы. Ни с правыми, ни с левыми. Ни с правительством, но и не с люмпенами. Очень перспективная партия.

– Спасибо, Игорь. Я был уверен, что ты одобришь... Я же не из-за денег туда иду. Ты меня знаешь. Мне пока своих бабок хватает... За державу, понимаешь, обидно!

– Всем обидно... Ты жди, Павленко. Тебя есть, за что зацепить. И моральный облик и прочее... Скоро твои противники за тебя возьмутся. Со всех сторон начнут просвечивать.

– Уже начали. Мне вчера очень странный телефонный звонок был... Собирайся. Едем в Москву. Вечером у меня штаб собирается. Имидж мой править будут, рекламу предлагать, тексты моих речей. Ерунда все это. Ты будешь самый главный – контрразведки, безопасность, противодействие противнику. Смять их всех надо, раздавить! Ты знаешь, кто мой основной соперник будет? Карасев из правительственного блока. Журналист бывший. Герой чеченской компании.

– Это тот, что лихо из плена бежал? Машину, кажется, угнал и еще одного заложника прихватил?

– Вот, вот! Рембо он, а не Карасев. Народ таких любит. Наградил господь соперником... Это тот еще карась. Это акула, а не карась... Поехали.

Уже в машине Павленко рассказал о странном звонке. Не было ни угроз, ни ругани. Всего несколько вкрадчивых фраз, но Павленко испугался: «Это Феникс? Только вы не волнуйтесь, Сергей Сергеевич. Все будет хорошо, если будете слушать меня. Мы в вас верим... Я позвоню через недельку. Для удобства – называйте меня Парнасом».

Это можно было бы принять за розыгрыш, за глупую шутку. Наплевать и забыть. Все так, если бы не одно слово... Еще будучи студентом Павленко попался на перепродаже джинсов. Тогда это называлось громким словом «спекуляция». Как минимум грозило исключение из института... Его притащили в штаб комсомольского оперотряда и заперли в пустой комнате. Через час туда прибежал шустрый дядечка и начал душевную беседу... Еще через час Павленко понял, что это сотрудник КГБ и что он предлагает стать «стукачом»... А через два часа на свет появилась подписка о сотрудничестве. Под текстом стояла дата и имя – «Феникс», теперь на долгие годы ставшее агентурной кличкой, псевдонимом Павленко.

Высочивший на свободу молодой студент МИСИ Сережа Павленко решил, что легко отделался. Очень не хотелось получить срок из-за пары потертых американских штанов. А подписка – это так, это бумажка. Поиграли в шпионов и забыли.

Но через неделю в общежитии провели обыск. И именно у тех ребят – любителей «сам-издата», кого мельком упомянул в разговоре Павленко... На очередной встрече он получил устную благодарность за «активную гражданскую позицию». Очередное сообщение было предложено написать от третьего лица. Например так: «Феникс сообщает, что доцент Петров грубо отзывался о...»

Павленко всячески увивал от встреч, сочинял «липу» или выдавал пустышки. За десять лет он часто менял места работы и, соответственно, менялись оперработники, передававшие его на связь из одного райотдела в другой. Наконец он так всем надоел, что был «исключен из агентурной сети с отбором подписки о неразглашении...»

Об этих грехах молодости можно было бы и забыть. Но уж слишком часто стали мелькать на телеканале две знакомые физиономии. Тогда в Госстрое никто не мог предположить, что из этих склочников получатся видные реформаторы... Когда они прошли по «шкуркам» Феникса, один получил строгача по партийной линии, а другого на пять лет отвели от загранпоездок... Пустяк! Не посадили же их, не расстреляли.

Когда Павленко видел на экране своих крестников, его начинала терзать совесть. Особенно, если он был в трезвом виде. Поэтому он стал реже смотреть телевизор и чаще пить. Совесть постепенно успокоилась. Но после вчерашнего звонка появился страх.

Савенков в общих чертах знал историю «стукача Павленко». Знал и не осуждал. Как профессионал, он очень уважительно относился к агентуре. Она иногда не то говорила. Но в этом виноваты те, кто ее спрашивал, и те, кто заставлял об этом спрашивать...

Спецслужбы – острый и опасный инструмент. Как топор – можно избу построить, а можно и голову срубить. Думать надо, кому его в руки давать... Есть еще способ: затупить этот топор или вообще выбросить. Тогда голова будет цела, но уж живи в пещере, без избы...

Савенков почувствовал, что звонок действительно серьезный и впереди их ждет интересная игра:

– Значит он Парнасом назвался? Гора богов и муз... посмотреть бы на этого бога... Так, Павленко, начнем с техники. Определитель на твой телефон поставим. Качественный – без всяких шипов и щелчков. Потом запишем его голос... И дай мне фамилии всех твоих оперов. Всех, у кого ты на связи состоял. Каждый из них мог... И не переживай ты так из-за этого Парнаса. Все только начинается. Пока это действительно – только цветочки.

* * *

Когда Валета отпускали, перед ним извинился полковник милиции. Такого торжества бывший грузчик одесского порта Аркадий Вальтович еще никогда не испытывал. Удовлетворение и восторг души были намного сильнее, чем от секса. Девочек он мог иметь хоть три раза в день, а мента в таком чине впервые... Как он лебезил перед Валетом, руку пытался пожать, до ворот проводил... Это уже потом Аркадий узнал, что за свои извинения полковник получил столько, что от такой почасовой оплаты не отказался бы и Рокфеллер...

Крещатик был в трех шагах. Хотелось устремиться к нему, побежать, полететь. Но очень мешала ноющая боль в том месте, куда пришелся первый удар старушкиного чемодана... Аркадий, с трудом переставляя ноги, доковылял до каштанов главной улицы Киева.

Постепенно радость проходила. Валет вспомнил, что ему предстоит возвратиться в Одессу и отчитаться перед Графом... Пушку в ментовке ему не возвратили. И как он мог требовать ее назад, если она не его, а подкинута? Так, это минус... Иннокентия не взял –

еще один минус... Потерпел увечье от старушки – вообще позор... адвокату пришлось в Киев мотаться. Деньги на его выкуп потратили... Одни сплошные минусы.

Валет горько вздохнул, поймал тачку и отправился на вокзал.

Билет до Одессы он взял на тот самый поезд, который привез его сюда. Успев побывать в Москве, состав возвращался в город у моря.

Это была маленькая удача. Она позволила Валету размочить счет, получив свой первый плюс... Проводница вагона «СВ» почти добровольно сообщила, что Иннокентий доехал до Москвы, а на Киевском вокзале его встречала молодая пара. Парень был коротко стрижен, не улыбочив и все время оглядывался, а девица... Аркадий получил точное описание ее наряда: «здесь такой волан, глубокий вырез, рукава три четверти, а сзади заложены складки...»

Труднее для проводницы было описать лица встречающих. Валет целую ночь составлял с ней «фоторобот». Хотя ни он, ни она не умели рисовать, но к утру у них уже имелось около тридцати портретов».

Соавторы были довольны. Проводница утверждала, что особенно удались последние работы... Те, кто заглядывал к ним в купе, наверняка подумали, что молодой учитель хвастался рисунками своих первоклассников на тему: «Мои папа и мама...»

На одесском вокзале Валета никто не встречал... Он как-то сразу почувствовал, что приехал домой. Очень мало городов имеют свое яркое лицо, свой звук, свой запах... Вокзал пах гвоздикой. Но не той огромной, голландской. Она вообще не пахнет. Здесь же почти у каждой торговли были плотные как снопы и короткие букеты небольших красных цветов. Их запах смешивался с ароматом маленьких, чуть больше кулака, дынь. Их всегда называли цыганочками, хотя при советской власти по понятным причинам пытались переименовать в «колхозниц». Но одесситы уважают традиции. Старожилы, например, рассказывали что Дерибасовскую пытались переименовать восемь раз. Но она устояла. Как, к слову, и Невский в Питере.

Валету очень хотелось заехать домой, смыть с себя вонь ментовской кутузки. Он знал, что поступить так – это не по понятиям. Надо прибыть к Графу и доложить все без утайки, но тянул время... Аркадий не стал брать мотор, а сел в полупустой трамвай – отдыхающих за последние дни резко поубавилось, но число рейсов сократить не успели... Старинный, деревянный еще, красно-желтый вагон шел в Аркадию. Он не забывал, что служит морскому городу, и мотался из стороны в сторону, и тарахтел, как катер на крутой волне.

Через пять минут трамвай вырвался на зеленые просторы Французского бульвара (тоже, кстати, безуспешно переименованного в Пролетарский) и понесся сквозь строй вековых акаций мимо череды заборов бывших «всесоюзных здравниц».

Граф имел дачу на десятой станции Большого Фонтана. Это совсем недалеко от Аркадии, почти над ней. Валет решил добраться до особняка прямо от трамвайного круга, по крутым, известным ему с детства тропинкам...

Граф ждал его... Он почти неподвижно сидел лицом к морю на огромной веранде.

Выслушав отчет Валета, Наум Борисович неторопливо начал уточнять детали:

– Мне странно, что ты не видел, как моя машина влетела в ту арбу с арбузами.

– Видел... На повороте оглянулся, и все видел.

– И не остановился?

– Так я...

– Молчи, Валет. Ты все правильно сделал, мой мальчик. Ты понял, что для меня очень важно достать этого фраера?

– Да, я так и подумал.

– Ты же один за этим жлобом гнался... Жизнь за меня рисковал. Здоровье потерял...

Ты говоришь, что эта бабка пыталась яйца тебе отбить?

– Почему, пыталась? Отбила!

– Что?! Не шути так мрачно, Валет. Не печаль меня... Или ты уже проверял? – Граф не улыбнулся, но издал несколько хрюкающих звуков, отдаленно напоминающих смех Фантомаса. – Сегодня же проверь и доложи. Мне евнухи не нужны... Сегодня! Потому что завтра ты поедешь в Москву... Я дам тебе адресок. Найдешь Жору Сильвера. Он тебя направит и людей даст... Месяц тебе срока. Мне здесь этот Иннокентий нужен. Здесь и живой... Не деньги его мне нужны. Я его перед выборами народу отдам. На разрезание! Пусть знают, что Наум Корсак умеет держать слово... посмотри, Валет, вон у той яхты три дельфина играют... Люблю я их. Они добродушные, как щенки...

Обзор прессы:

Газета «Рижские новости»:

– Тысячи бывших агентов КГБ живут в нашем городе. Они руководят в наших департаментах, говорят с экранов, воспитывают наших детей. И никто об этом не знает. Когда же будут обнародованы полные списки советской агентуры? Предатели народа не должны занимать должности выше дворника. Национальный дух жаждет справедливой мести!

Газета «Утро России»:

– Всех удивил странный выбор блока «Обновление». Своим кандидатам в Думу от Юго-Запада столицы они выставили некоего Павленко. Неужели они считают, что этот удачливый бизнесмен может серьезно соперничать с любимцем народа Николаем Карасевым... Мы ночами внимательно изучали биографию Сергея Павленко. И сразу – темные пятна и целый букет слухов и сплетен. Свое независимое расследование мы опубликуем, но всему свое время.

Газета «Криминальная хроника»:

– Преступность рвется во власть. Сейчас это ясно видно всем... Из достоверных источников мы узнали, что владелец сети московских бензозаправок Григорий Серебряков сказал: «Мои люди обязательно будут в Думе. Я и сам готов себя выставить. И за результат не сомневаюсь...» Интересно, будет ли он при этом использовать свое настоящее имя или воспользуется более раскрученным псевдонимом – Жора Сильвер.

Глава 3

Риск Иннокентий любил. Но не смертельный, не тот, при котором на кон надо ставить последнюю рубаху. Он всегда интуитивно улавливал допустимую степень риска и добавлял его в свои авантюры в минимальных дозах, как острую приправу.

Очевидно, в Одессе интуиция ему изменила. Первой ошибкой была сама поездка в город белых акаций. Можно и в Тулу поехать со своим самоваром. Но заявиться в город великих комбинаторов и попытаться устроить там грандиозную аферу – это не просто глупо. Это рискованно и опасно.

Второй ошибкой был сценарий аферы... Иннокентий старался не светиться. Он быстро нашел людей, которые за достойную зарплату согласились фиктивно возглавлять фирму, подписывать любые документы, изредка сидеть в офисе и кивать головой.

От их имени Иннокентий давал обширную рекламу, сообщая, что фирма «Высокий замок» любому оформит документы для жительства в выбранной им европейской стране, купит дом и без проблем переведет туда крупные суммы... Клиентов оказалось много, но все они были совсем не лохи. Каждый, кто смог в этой суматохе сделать большие деньги, обладал хваткой, хитростью, имел свой круг связей. Значило, что Иннокентий стал играть против десятков очень достойных соперников. И на их же поле... Профессионалы так не делают! Один на один – это пожалуйста. Бери своего Корейку и пытайся его выпотрошить, если сможешь. Но знай меру! Не пытайся облапошить всех сразу.

Третью и самую большую ошибку Иннокентий совершил, самовольно включив в свою игру Графа, его авторитетное имя... Надо было расшевелить клиентов. Уж очень они осторожничали. Заказывали визы, европейские паспорта, а с переводом денег через «Высокий Замок» не торопились. Или заявляли очень смешные суммы – запускали пробные шары.

Тогда Иннокентий изготовил несколько документов, из которых следовало, что Наум Борисович Корсак через его фирму купил себе дом под Парижем и перевел в тамошний банк круглую сумму.

Документы были сделаны наспех, зато в бешеном количестве. Имелся даже план местности на французском языке и фотография особняка на берегу Сены... Все это под большим секретом Иннокентий показывал сомневающимся клиентам: «Вы же понимаете, что Наум Борисович не стал бы рисковать. Мне доверился сам Граф, а вы...»

И деньги потекли... Иннокентий понимал, что долго это продолжаться не может. И не в том дело, что клиенты ожидают подтверждения своих переводов – у него были готовы бланки, штампы и тексты на иностранных языках. Он совершенно выпустил из виду, что Граф в любую минуту мог узнать об афере, где он фактически выступил гарантом.

Последние дни Иннокентий чувствовал себя канатоходцем, у которого в следующую секунду могут перерубить канат – и спешить надо, и торопиться нельзя.

Он готовился к побегу: во дворике за офисом его всегда ждала неприметная машина с полным баком бензина. Деньги были спрятаны в маленькой пещере на пустынном берегу моря в районе Люстзорфа – это казалось надежней, чем держать их в офисных сейфах, на квартире или в машине... Иннокентий уже решил бежать, но, как студенту перед экзаменом, ему не хватило всего двух-трех часов. Он доигрался до погони со стрельбой и разбитыми машинами. И если бы не решительная пожилая мадам в поезде, Валет вернул бы его в Одессу, что равносильно смертному приговору. Даже несколько хуже...

То, что почти все деньги остались в Одессе, имело и свои плюсы – это стимулировало активность, звало к новым подвигам...

За сегодняшний день Иннокентий успел посетить три фирмы, которые сдавали в аренду свои офисы. На очереди была четвертая, предлагавшая маленький особняк у Калужской заставы.

Дом располагался чуть в глубине, за красивым старинным забором. Именно он, чугунный орнамент из множества цветов, окружавших огромного гордого павлина, в первую очередь привлекал взгляд и придавал всему особняку удивительный шарм.

За забором был садик и площадка для трех-четырёх машин. На ней одиноко стояла обычная черная «Волга», перед которой, ожидая Иннокентия, неподвижно стояли три богатыря. Два крайних, явно охранники, стояли чуть боком и смотрели в разные стороны обеспечивая свой сектор обзора.

Главный, тот, что стоял в центре, завидев Иннокентия, демонстративно поднес часы к глазам. Очень правильный жест – перед началом переговоров полезно слегка осадить партнера, указав на его трехминутное опоздание.

Иннокентий принял условия игры и быстро среагировал:

– Виноват, Виктор Петрович. Непростительная задержка.

– Пустяки...

– Нет, нет. Виноват и готов искупить. Мы с вами в бизнесе работаем, а здесь: время – деньги. Тайм из мани... Начнем осматривать объект.

– Проходите.

Кроме служебных помещений в особняке было восемь комнат и зал с камином. Все было чистенькое, ладненькое, отделанное в том стиле, который в Москве называют странным словом «евроремонт».

Замечая мелкие неудобства типа узкого коридора на втором этаже или смежных комнат в боковом крыле, Иннокентий заметно морщился и разводил руками. Все это должно было уверить Виктора Петровича, что перед ним солидный клиент, готовящийся к серьезным переговорам.

Особняк был совершенно пустой – без мебели, без штор, без картин на стенах.

Прежде чем приступить к завершающей стадии, Иннокентий дважды обошел все комнаты, проверил все выключатели, краны в туалетах, крепость запоров на черной лестнице...

– Виктор Петрович, могу я взглянуть на документы? Простите, но я должен быть уверен в ваших, так сказать, правах собственности на этот домишко.

– Вот вся подборка, смотрите, господин Теряев.

– Я даже и смотреть не буду. Для этого у меня юрист есть... Вы копии не захватили?

– Нет.

– Жаль, Виктор Петрович. Но не беда. По дороге изготовим. Можно даже на цветном ксероксе... Помещение меня устраивает... Цена великовата, но я даже торговаться не буду, если сойдемся в остальном.

– В чем?

– В форме договора и в порядке оплаты... Я предлагаю устный договор, а оплату наличными. Из рук в руки.

– Да... но...

– Понимаю ваши сомнения, Виктор Петрович. Да, я попадаю в неудобное положение. У вас и все права на дом остаются. И неучтенная наличка... Кстати, я готов прямо сейчас заплатить. За месяц вперед. Под ваше честное слово...

Иннокентий не стал ждать ответа. Он просто расположил на подоконнике свой кейс, открыл его и продемонстрировал несколько пачек американской валюты в банковских упаковках...

Через день Иннокентий опять вел переговоры по аренде этого особняка. Только теперь он был «хозяином» дома. Не сам он, а какая-то фирма, где генеральным директором значился И.В. Теряев... Не столь сложно было на базе полученных накануне документов изготовить новые. Совсем просто – изготовить бланки и печать новой фирмы. Чуть сложнее – быстро найти желающих очень дешево арендовать шикарный офис. Но самым трудным для Иннокентия оказалось запомнить название фирмы, которой он теперь руководил и от имени которой он сдавал в аренду этот особняк.

Будущие арендаторы наверняка знали, что бесплатный сыр бывает только в мышеловках. Но этот сыр был далеко не бесплатным, хотя и очень, очень дешевым. А хозяин особняка с вычурным именем «Иннокентий» – простоват и податлив. Согласен на все. Сам же выдвигает лишь два условия: аванс наличными за три месяца вперед и второе – переезд в особняк только в следующий понедельник, не раньше полудня...

За два дня Иннокентий принял в особняке восемь делегаций, восемь потенциальных арендаторов. Согласились лишь четверо. Четвертым был некто Карасев Николай Михайлович, срочно подбиривший офис для своего предвыборного штаба...

А в понедельник почти одновременно к особняку с разных сторон подъехало несколько машин. Пока рабочие выгружали во дворик мебель и коробки, в каминном зале собрались четверо арендаторов. Каждый гремел своей связкой ключей от особняка и тряс над головой договором, подписанным Иннокентием Теряевым, генеральным директором фирмы с трудно-запоминаемым названием.

* * *

Именно в понедельник Иннокентий решил заехать на свою квартиру. Она пустовала уже четыре месяца, с тех пор, как он уехал в Одессу «на гастроли».

Прописан Иннокентий Теряев был в Лобне. Но его там, в этом славном подмосковном городе не видели уже пять лет. Да и бывал-то он в этой самой Лобне всего два раза. В первый приезд не глядя купил маленькую комнатку в пятиэтажке и познакомился с местным милицейским начальником. Через неделю он приехал сюда во второй раз. Всего час – и чуть ниже его старой сочинской прописки в паспорте появился новый штамп...

Ближе к полудню Иннокентию пришлось бороться с искушением – очень хотелось поехать к особняку у Калужской заставы и хоть издали посмотреть удачно ли въехали в новый дом все четверо арендаторов. Но смотреть на этот цирк с галерки удовольствия мало. А на первом ряду – очень даже могут узнать, схватить привести в зал и жарить в камине. Вполне реальная перспектива, если представить себе состояние этих арендаторов... И уж если рисковать, то не для удовольствия, а с пользой для дела.

Иннокентий собрался именно заехать на свою московскую квартиру. Всего лишь на час. Только для того, чтоб забрать документы, памятные вещицы, любимый свитер... Если этого не сделать сегодня, когда его ищут лишь люди Графа, то завтра его будут искать те, кто сейчас выгружает вещи у особняка на Калужской заставе. А это не далекие одесситы, а местные зубры, знающие, как найти человека в Москве, даже если он прописан в Лобне...

Иннокентий оставил свою синюю «четверку» в квартале от дома в Даевом переулке... Обошел дом, взглядываясь в окна четвертого этажа... Поднялся на лифте до пятого и не спеша спустился к своей двери. Замер, прислонив ухо к дверному глазку... Достал ключи и стал открывать, стараясь не щелкать, не скрипеть... В коридоре ничего не изменилось. Только пыли за четыре месяца прибавилось.

Не включая свет, он на цыпочках прошел в дальний угол, к полуоткрытой двери в большую комнату. Войти не стал – его остановил чуть уловимый сигаретный запах. Не вонь от прокуренных ковров и занавесок, не смрад от полной пепельницы, которую он мог и оставить

перед отъездом в Одессу, а аромат свежего табачного дыма... Интуиция подсказала Иннокентию самое простое решение: одним прыжком он развернулся к выходу и рванулся вперед, вытянув руки на уровне замка. Он успел открыть его и даже потянул дверь на себя...

Падая на пол, Иннокентий не потерял сознания. Успела проскочить радостная мысль, что убивать его пока не собираются, раз свалила его с ног не пуля, а удар по шее. Ребром ладони... Кто-то за шиворот приподнял Иннокентия и нанес второй такой же удар, от которого Теряев уже не испытал удовольствия. Просто не успел – вырубился...

Яркий свет слепил глаза. Пришлось зажмуриться и открывать веки постепенно... Иннокентий сидел в своем любимом кресле лицом к окну.

Фигуру, сидевшую на подоконнике и демонстративно игравшую пистолетом, Иннокентий узнал не сразу. Мешал встречный солнечный свет и были трудности с фокусировкой – силуэт расплывался, раздваивался, от него во все стороны разбегались веселые искорки.

Иннокентий попытался встать, но не смог оторвать себя от спинки кресла. Он опустил голову и скользнул взглядом по подлокотникам. Увиденное вызвало приступ ярости – эта невидимая на фоне окна фигура грубо связала между собой не менее двадцати галстуков и этим цветастым канатом притянула его к креслу. А это были его, Иннокентия, галстуки! Их дарили ему любимые девушки. Некоторые он покупал сам. Долго выбирал, потом завязывал особым узлом, гладил, в конце концов...

– Ну и сволочь же ты! В гости ко мне пришел... без приглашения. Это ладно. Но зачем же галстуки мять... Ты кто такой?

– Не узнал?... А мы не так давно виделись. Только тогда ты у окна сидел, а мне заходящее солнце глаза слепило. В поезде это было... Вижу, что узнал.

– Узнал... Ты уж извини, Валет. Там в поезде какая-то сумасшедшая старушка оказалась. Не обижайся... Она тебе не очень больно сделала?

– Издеваешься?! Да я на вторые сутки разогнуться не мог...

Валет подошел к креслу и развернул его вместе с Иннокентием так, что была видна поверхность большого обеденного стола. Накрытый белой простыней с аккуратно разложенными инструментами он имел вид тумбы из операционной палаты. Только вещицы на нем лежали не совсем хирургические: долото, кусачки, горсть гвоздей, кипятильник, провод от торшера с оголенными концами...

Внешнее впечатление очень обманчиво. Туповатое лицо Валета скрывало великого психолога. Он не стал пугать Кешу, не лязгал клещами перед его носом, не рычал, не матерился. Он просто развернул его к столу и сделал паузу.

– Я, Иннокентий, обязательно найду ту милую даму из поезда. Аркадий Вальтович не забывает обид... Но это будет потом. Пока я тобой займусь. Я обещал Графу доставить тебя вместе с деньгами.

– Может, только деньги... Меня-то ты как повезешь. В двух чемоданах?

– Не бойсь, Кеша. С удобствами поедешь. В багажнике.

– А таможня?

– Так мы не прямо. Мы через Белоруссию поедем. Партизанскими тропами...

– Слушай, Валет. С такими деньгами ты везде королем будешь. Даже тузом... Давай поделимся. Я тебе почти все их отдам. Поделим и разбежимся.

– Взятку предлагаешь? Нет, Кеша, не продаюсь! Жить я могу только в Одессе. И делать это хочу с чистой совестью... Так где деньги? Сразу скажешь или кипятильник включить?

Перед тем, как сдаться, Иннокентий сделал еще несколько попыток склонить Валета на свою сторону: ему предлагалось участие и доля в новой огромной афере, ему гарантировалась московская прописка и эта самая квартира в собственность, ему обещалась встреча с такими девушками, с такими профессионалами, которых в Одессе и представить нельзя.

– Шалишь, Иннокентий! Врешь ты все. Ты Одессу не трогай. У нас все есть. Думаешь, ваши девки на Тверской – это местные? Дудки! Я тут с одной пообщался – одесситкой оказалась... Хватит, Кеша, зубы заговаривать. Где деньги?

– Здесь.

– Где это здесь?

– В этой квартире... На антресолях. В коридоре. В дальнем углу... Высоко там. Надо стол подставить. А на стол – стул.

– И где они там?

– В коробке.

– Из-под ксерокса?

– Нет. В обувной.

– И все поместилось?

– Так она от женских сапог.

Валет прошел в коридор и осмотрел антресоли. Действительно высоко. И метра полтора глубиной... Он стоял и тупо смотрел вверх на оклеенные «деревянной» пленкой дверцы... Он выискивал подвох.

Когда выход был найден, Валет широко улыбнулся и бросился в комнату.

– Значит так, Кеша. Дураков у нас в Одессе нет. Все в Москву переехали... Я с такими штучками встречался: потяну за коробку – и бах! Ни меня, ни антресолей... Ты мне сам их достанешь!

Валет переместил на диван простыню со всем «хирургическим» инструментом. Освобожденный стол он протащил под антресоли, безбожно царапая ножками паркет. После ряда тестов на шаткость, был найден самый устойчивый стул и водружен поверх стола.

Теперь предстояла самая опасная часть плана... Валет проверил пистолет и продемонстрировал его Иннокентию. Потом он зашел за кресло и дернул конец галстучного каната. Развязав узел и освободив пленника, Валет быстро отскочил на два шага назад:

– Вставай, Кеша. Вперед и вверх на штурм антресолей... И не дури. Не пугай меня – сразу стреляю!

Иннокентий делал все как в замедленном кино – двигался демонстративно спокойно, неторопливо, плавно. Вобразившись на стул, он проверил его устойчивость и открыл дверцы... За пять лет баракла накопилось много. Тем более, что все это время появлялись шальные деньги. А это рождало шальные идеи – к имеющимся четырем чемоданам купить пятый, очень подходящий по цвету к новому галстуку... Раздвинув коробки он увидел самую нужную вещь – толстый красный цилиндр, ряды которого он затеял весь этот цирк.

– Может будешь вещи принимать, Валет? Неохота вниз кидать. Попортятся.

– Кидай, Кеша, кидай. И не в мою сторону. Я уже недавно чемоданом между ног получил – больше не повторится.

– Жалко, Валет.

– Кидай, Кеша. Твоя жизнь на кону стоит, а ты мелочишься.

Иннокентий сбросил два чемодана, три коробки, телефонный аппарат, настольную лампу и взял в руки огнетушитель. Секунду помедлил и, повернувшись к Валету, присел на корточки:

– Это бросить не могу. Взорвется, зараза... Ты, Валет, положи его осторожно на пол, а я за коробкой полезу. Держи!

Валет машинально вытянул руки, отклонив в сторону ствол пистолета, и посмотрел наверх.

Прямо перед глазами он увидел раструб огнетушителя, из которого через мгновение с ревом вырвалась струя пены, заливая нос, глаза, уши.

Он заорал, но облако пены заглушало крик, превратив его в булькающее шипение.

Отбросив пистолет, Валет судорожными движениями сбрасывал с себя белые пузырящиеся комки, разлетавшиеся по полу, стенам, падавшие на кроссовки стоящего над ним Иннокентия.

Струя пены начала стихать и, плюхнув напоследок несколько раз, прекратилась вовсе... Подняв опустевшее оружие точно над головой Валета, Иннокентий прицелился и разжал руки.

Вначале послышался глухой удар, через секунду звонкий – это огнетушитель поскакал по паркетному полу, а еще через две секунды опять глухой – это свалился Аркадий Вальтович.

* * *

Офис Григория Серебрякова находился недалеко от Никитских ворот. Из его окон была видна церковь, где венчался Пушкин. Это вдохновляло, заставляло думать о вечном... Сотрудники давно заметили, что шеф по несколько раз в день замирает перед окном, скрестив руки на груди.

Шефом своей фирмы Григорий Петрович выступал на общественных началах. Юридически она была зарегистрирована на подставное лицо. Иначе Серебряков не мог бы работать в Москве. Под свое имя он никогда не получил бы столько мест для бензозаправок. Благодаря шустрим журналистам к нему навечно прилипла кличка Сильвер и должность – главарь Никулинской преступной группировки.

Еще пять лет назад это было полной правдой. Сейчас для своей и общей пользы он ушел в легальный бизнес. И бензозаправочная фирма «Санди», и сеть магазинов, и десяток авторемонтных мастерских – все это было абсолютно чисто перед законом... В первые годы на его фирмы просто набросились налоговые и другие подобные службы. Но сейчас поутихли. Скучно – не за что зацепиться...

С Никулинской братвой Серебряков встречался крайне редко и в самых надежных местах. Он сохранил за собой лишь общее, стратегическое руководство и уверенность, что любая его просьба будет исполнена как приказ.

Одну из таких просьб он передал неделю назад: «Зайдет к вам парнишка из Одессы. Аркадием зовут. Помогите ему. По полной форме...»

Другому бы Серебряков и отказал. Но Валет привез привет от Графа. А уж Наум Корсак был ближе брата родного. С ним Серебряков вместе работал в молодые годы – пять лет лес валили на северном Урале. И вышли почти одновременно...

Сильвер неподвижно стоял перед окном, машинально вглядываясь в огромный одинокий купол с небольшим крестом... Всего неделя прошла после приезда Валета, и ситуация кардинально изменилась... Ребята быстро вышли на квартиру нужного Графу человека, но гонористый одессит решил, что справится один. За что и поплатился – теперь отлеживается с дурной головой, с красными глазами и пятнами на лице. Черт с ним, с этим Валетом! Не в нем дело... Иннокентия Теряева ребята быстро найдут. Обещали. Но только теперь Графу он не достанется.

Сегодня утром Серебрякову позвонил сам Илья Баскин, руководитель концерна «Басойл» и вообще – олигарх. Он рассказал смешную историю о том, как некий Иннокентий под видом особняка продавал пустышку, воздух. И при этом кинул не одного лоха, а сразу четверых.

«... Так вот одним из этой четверки простофиль был Николай Карасев. Слышал о таком? Да, кандидат в депутаты и мой... подопечный... Ты, Серебряков, найди мне этого Иннокентия. Живого. Он мне очень нужен. Именно сейчас нужен...»

Странно, но Сильверу показалось что Баскин не задействовал свою службу безопасности, а сразу обратился к нему. Понятно, если б заказал убрать Иннокентия Теряева. Тогда – понятно. А то – найди живого... Зачем он ему? Правда, жулик этот Теряев первоклассный.

Артист! Аферист от бога! И парень рискованный – недавно Графа кинул, а потом самого Баскина обидел... такой жук – козырной туз в колоде. Это если его заставить на тебя играть... Вот он зачем Баскину нужен – выборы на носу. А их без хороших жуликов не выиграть...

На столе мелодично запел телефон. Это секретарша, а она вышколенная – без крайней нужды звонить не будет...

Серебряков оторвался от окна, подошел к столу и снял трубку.

– Простите, Григорий Петрович. К вам очень настойчивый посетитель.

– По какому вопросу?

– Не знаю. Но он сказал, что вы обязательно примите.

– Кто это?!

– Иннокентий Теряев.

Обзор прессы:

Газета «Возрождение России»:

– Криминал рвется во власть. Теперь мы видим, что это не пустые слова.

На Юго-западе столицы решил стать депутатом некто Павленко. Что же это за личность? Достаточно сказать, что кроме других «подвигов» он учредитель и фактический хозяин детективного агентства «Сова». А зачем ему эта темная ночная птица? Защищаться? Возможно... Но тот, кто умеет расследовать убийства, может убить и сам. Кто выявляет «прослушку», может ставить ее и сам... Хорошо, что народ не глупее нас с вами. Он не пропустит в Думу таких, как Сергей Павленко.

Газета «Новый курс»:

– Наконец в борьбу за чистоту выборов включились реальные силы.

Известный предприниматель Илья Баскин объявил о создании фонда и информационной службы «Родник». Здесь будут досконально проверяться все жаждущие занять думские кресла. Как заявил глава «Басойла» – проверка будет полной, честной и далеко не формальной.

Газета «Парламентский вестник»:

– В воскресенье группа журналистов два часа томилась около закрытого особняка в одном из переулков у Калужской заставы. Сюда нас на открытие своего избирательного штаба пригласил один из фаворитов предвыборной гонки Николай Карасев... Потом мы узнали, что не все сложилось и что штаб расположится совсем в другом месте. Всякое бывает! Но негоже начинать компанию с такого конфуза. Нет, такие презентации нам не нужны!

Глава 4

«Надо же было так набраться... Голова гудит и во рту что-то липкое, вонючее – будто всю ночь навоз жевал... Расслабился, нашел время... Сегодня такая важная встреча. Переломный момент в жизни. А ничего уже не хочется... Все! Бросаю пить... Уже бросил!»

Саша Богатых попытался подняться со своего дивана, но только вяло пошевелил плечами... Вторая попытка оказалась более удачной – он скинул одну ногу и, резко оттолкнувшись, оказался на полу в предстартовой позе бегуна на короткие дистанции. При этом голова безвольно болталась, и взгляд был направлен не к финишу, а куда-то под себя...

Так он простоял несколько минут, концентрируя волю для решительных действий. Потом рывком принял вертикальное положение и, пошатываясь, направился в ванную.

По пути он притормозил около сто и его рука машинально потянулась к бутылке пива. Потянулась и зависла над столь необходимым ему сейчас лекарством. Бросил – значит бросил! Не хватало еще, чтоб этот Павленко учуял хмельной запах.

Саша поежился, представляя, как кандидат в депутаты после первого же знакомства с позором изгоняет его из предвыборного штаба... Это будет полный финиш! Конец всему. Крах карьере. Волчий билет... Опять в челноки. Опять мерзнуть в Лужниках и таскать тюки с тяжелыми турецкими кожанками... Он схватил бутылку с пивом и злорадно отодвинул ее к стене, в дальний угол стола... Сделав несколько шагов, Саша вернулся и решительно накрыл соблазнительную жидкость газетой...

Под прохладным душем мысли начали ворочаться быстрее. Голова уже не гудела, а лишь жалобно звенела... Саша вылез из ванной и, оставляя за собой мокрые следы, прошлепал на кухню, где заглотал сразу три таблетки аспирина. Вернувшись под душ он перекрыл горячую воду и усилил напор...

Все стало приходить в норму. Вскоре он в полной мере ощутил себя профессиональным психологом, совсем недавно окончившим специальные и очень секретные курсы по предвыборной борьбе. Официально он теперь именовался имиджмейкером Сергея Павленко.

Через два часа Саша Богатых настолько восстановил форму, что в воздухе стала назойливо витать мысль о несвоевременности данного им зарок трезвости. Саша отогнал ее обнадеживающим: «Потом посмотрим».

До офиса Павленко Саша добрался на такси. Он вбухал в эту поездку последние деньги, но не мог же он опоздать. Если сегодня все сложится удачно, скоро он получит аванс. И не маленький – в предвыборной гонке не принято жалеть денег. Это плохой тон... Тем более не будет скупиться движение «Возрождение».

Ровно за три минуты до назначенного времени Саша Богатых нажал кнопку звонка в офисе на Мясницкой...

Сергей Павленко оказался симпатичным и не таким суровым, как на фотографиях. Он бегал по кабинету, шутил, основное внимание уделял сидевшей у окна молодой женщине... Саша вспомнил ее. Вчера утром в штабе «Возрождения» ее представили как журналиста, который будет пресс-секретарем Павленко... Точно – это Катя Мурзина.

Саша отметил, что совещание Павленко начал с десятиминутным опозданием по той причине, что Катя интересовала его в данный момент значительно больше всех предвыборных баталий. Это не катастрофа, но пунктик, который придется шлифовать... Но это потом. Сейчас Александра очень устраивало, что Павленко редко смотрит в его сторону и, возможно, не заметит воспаленных глаз и хриповатого вялого голоса.

Кроме Кати Мурзиной в кабинете Павленко был еще один человек, спокойно сидевший в дальнем углу. Он выглядел чуть старше хозяина офиса. Возможно, из-за явной полноты, седины и лысины на макушке... Только тут Саша заметил, что у самого Павленко лысина не

меньше. Только тщательно прикрыта зачесом с боку на бок. Таким вороньим крылом, которое при резких движениях взлетало вверх и плавно опускалось, прикрывая лысое безобразие... Воронье крыло... Действительно, почему у него такие черные волосы. Красится, чудак!

Саша с легким стоном прикрыл глаза, представляя, что уже на первых порах ему придется заставить клиента смыть краску и обнажить так долго скрываемый голый череп... Но это необходимо! Избиратель не терпит фальши. Народ, он как считает – если ты лысину свою от нас скрываешь, то и в остальном попытаешься лапшу на уши вешать.

Вытащив блокнот, Александр начал делать записи. На курсах его учили, что это один из способов придать солидность своему образу. Но там не говорили, как при этом скрыть дрожание рук... Пришлось левой рукой придерживать правую. Со стороны это выглядело, будто он делает секретные записи и не дает никому подглядывать.

Правда, записи были сверхкороткими. Он написал всего четыре слова: опоздание, бабы, лысина, гыканье... Последнее было самым сложным делом. Предательская буква «о» на конце фамилии уже не смущает избирателей. Привыкли. Но когда кандидат начинает «гыкать», как колхозник с Полтавщины – пиши пропало! Десять процентов как корова языком слижет... Странно. По биографической справке получалось, что Павленко уже сорок лет в Москве живет. Четыре десятка лет слушает нормальную речь и не исправляется. А он, имиджмейкер Богатых должен за неделю сделать из него диктора ЦТ...

За стол Павленко усадил только Катю и Александра. Добродушный толстяк так и остался сидеть в углу под кондиционером.

– Вас, молодые люди, я понимаю представлять не надо. А там у окошка – мой старый приятель Игорь Савенков, Игорь Михайлович. Вы на него внимания не обращайтесь. Он, как солдат невидимого фронта. Будет нашу безопасность обеспечивать... Готов выслушать ваши предложения. Мне большие люди намекнули, что я в этих предвыборных технологиях ни в зуб ногой. Согласен! Буду послушным учеником... С Катюшей мне все понятно. Она статьи обещала в газетках тиснуть – какой я хороший... Встречи с избирателями, пару раз по телевидению... Но, любопытно – как мне мой имидж менять. Слушаю вас, господин Богатых. Только сразу договоримся – пластической операции я делать не буду.

– Нет, нет. Об этом даже речи нет... Моя задача несколько шире. Не только внешность, а общий привлекательный образ. Лозунги, обещания... Вся тактика борьбы с учетом действий других кандидатов.

– Всех других будем топить, кусать и рвать на части!

– Несомненно, Сергей Сергеевич. Но делать это надо тонко, деликатно... Вообще – моя миссия очень интимная. Я бы предпочел давать советы наедине.

– Не согласен, Александр Егорович...

– Просто – Саша.

– Не согласен, просто Саша. Мы все здесь – одна команда. Нет у меня никаких секретов... Савенков меня и так знает как облупленного. Теперь вот и Катюша узнает.

– Хорошо... Но только не обижаться.

– Я не барышня. Режь всю правду – матку.

– Итак – лицо. У вас, Сергей Сергеевич, отличное лицо. Красивое, мужественное, улыбочивое... Единственное – чуть-чуть сменим прическу.

– Понял. Избирателю нужен мой умный сократовский лоб вместе с лысиной.

– Да... И цвет волос привести... в естественное состояние.

– Лады! Будет им кандидат убеленный сединой... Но пока ничего страшного. Зря ты меня, Саша, пугал.

– Дальше будет страшнее... Я тут поговорил вчера с людьми из вашего окружения. Все отмечают вашу повышенную любовь к женскому полу.

– О, трепачи! Но разве это минус?

– При определенных обстоятельствах... Наши враги могут создать «эффект Моники». Представьте – за пару дней до выборов появляется на экране некая дама. На глазах слезы – «он обещал мне, но бросил. Ему нельзя верить...» При этом она демонстрирует фотографии, вещи.

– Синее платье?

– Что-то в этом роде... И все! Ваши выборы проиграны.

– Что посоветуете, Саша.

– Надо упредить противника. Вам следует повстречаться с вашими бывшими... подругами. Пообещать им все, что они хотят – возобновление отношений, деньги, тряпки... Со всеми встретиться и все уладить.

– Со всеми не могу.

– Почему?

– Всех уже не помню... Да и времени бы не хватило...

Павленко давно уже перестал улыбаться. На Катю он тоже старался не смотреть. Впервые появилась мысль – «зря ввязался в это грязное дело...»

Обстановку несколько разрядил телефонный звонок. Павленко сразу понял, что это что-то важное, раз секретарша перевела разговор в кабинет. Но, возможно, будет повод прекратить эту неприятную встречу с имиджмейкером Сашей.

Схватив трубку, Павленко две минуты держал ее около уха, пару раз поддакнув в конце разговора – «договорились».

Потом он встал и прошел в дальний угол кабинета, поближе к Савенкову.

– Игорь, это опять Парнас звонил. Предложил встречу... Все, ребята, – Павленко резко обернулся к сидящим за столом. – Все! Аудименция закончена... Вам, Катя, я сам позвоню. А с господином имиджмейкером мы продолжим беседу о моем моральном облике завтра в десять утра. За ночь постараюсь вспомнить все свои... внебрачные связи. Чтоб ни одна Моника не проскочила!

* * *

Горелов запер сейф, взглянул на огромный портрет «железного Феликса» и вышел из кабинета. Сделав несколько шагов по коридору, он развернулся и опять открыл свою дверь. Так он делал всегда. По крайней мере – последние пятнадцать лет. Он панически боялся пожара. Однажды, вернувшись с совещания, Горелов с трудом вошел в свой кабинет из-за едкого дыма от перекалившегося кипятильника, от сгоревшего лимона, чая, сахара... С тех пор у него и появился этот пунктик: как бы тщательно он не проверил все перед уходом – заперев дверь, он через несколько секунд вновь открывал ее и опять все осматривал...

Точного времени для обеденного перерыва у Горелова не было. Иногда он вообще не покидал кабинет, обходясь чаем и прихваченными из дома бутербродами. Не сегодня был «сеанс связи». Горелову надо позвонить из автомата и как можно дальше от здания на Лубянке. Он точно знал, телефон того, кому он будет звонить – прослушивается.

Прошлый раз Горелов звонил из Сокольников. Теперь придется ехать в другую сторону – на Тверскую или к Парку Культуры... Постояв минуту на перекрестке, он двинулся вниз по Кузнецкому Мосту.

Горелов давно уже старался выбрать такой путь, который не выводил бы его на Лубяnsкую площадь. Он боялся ее... Случилось так, что он оказался здесь в ту самую ночь, когда шумная толпа победивших демократов свергала с пьедестала бронзовую фигуру «железного Феликса». У всех вокруг были дикие, горящие от восторга и злобы глаза. Вероятно, Горелов не вписывался в общий облик народного ликования и к нему пристал явно сумасшедший старик с включенной бородой: «Что, не нравится? Или ты сам из палачей? Вынюхиваешь... Господа! Держите его! Это чекист... Он убегает! Ловите сатрапа. Бейте его...»

Выскочив с площади, Горелов позорно бежал, пробираясь сквозь темные проходные дворы Малый Лубянки и Мархлевского.

Остановился он только у Чистых Прудов. Вокруг было пустынно, спокойно, тихо. Но голос того старика с Лубянки звучал где-то внутри Горелова и заставлял постоянно оглядываться и переходить с места на место.

С тех пор Горелов терпеть не мог эту площадь с клумбой вместо грозного монумента. Ему казалось, что старик с пронзительным взглядом поджидает на том же месте, и увидев – обязательного схватит и на этот раз не выпустит...

Подходящий телефон Горелов нашел недалеко от Малого Театра. Он вытащил из нагрудного кармана листок с цифрами и приготовился изменить голос. Сейчас на том конце провода трубку снимет секретарша и он будет говорить с ней с грузинским акцентом.

- Здравствуйте. Это концерт «Байсол». Слушаю вас.
- Скажи, дорогая, Баскин на месте?
- Да, но у Ильи Максимовича совещание. Что ему передать?
- Передай, что Феликс звонил. Имею хороший товар. Пусть найдет меня по номеру: три, двадцать, ноль пять.
- Я все записала. После совещания доложу.
- Доложи, дорогая. И не надо после совещания. Немедленно сделай!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.